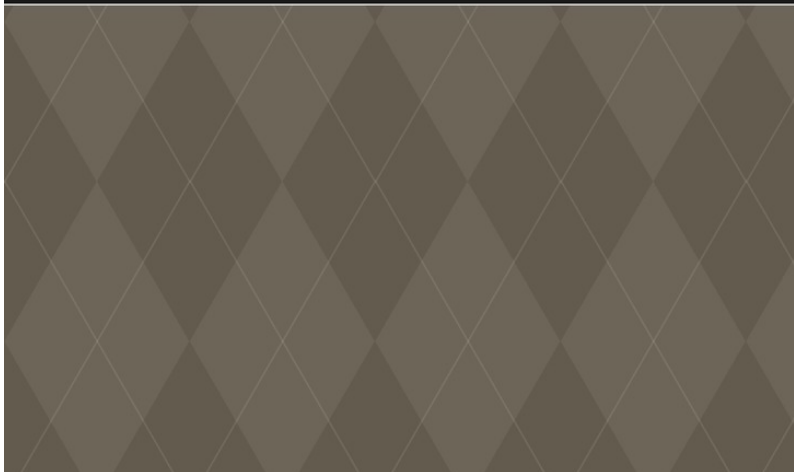


Нина Заря-Абрамович

*Убить
узбеков*

рассказы



Нина Заря-Абрамович

Убить узбеков. Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25911972

ISBN 9785448567841

Аннотация

Современная проза о киевлянах и москвичах! Любовь, ревность, зеленая жаба зависти, жажда наживы, чувство справедливости и естественное стремление каждого человека к счастью. Книга оптимистична и преисполнена любви!

Содержание

Муха Ukraine	5
Убить узбеков	13
До Берислава далеко?	25
Полная чернобурка	31
Катюжанские видения	38
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Убить узбеков

Рассказы

Нина Заря-Абрамович

© Нина Заря-Абрамович, 2017

ISBN 978-5-4485-6784-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Муха Ukraine

Вы продавали картины *Шишкина или Айвазовского?*
О! Это такой адреналин!

Звонит мне Леся

– Маша, выручай! У меня полный завал. С работы уволили. Завтра платить за квартиру. Ау меня в кармане один жетон на метро. Можешь ко мне приехать?

Леся, моя подружка. О том, что у нее полный завал, я понимаю уже в тот момент, когда слышу ее голос. Леся звонит мне исключительно, когда у нее все плохо. В минуты радости звонка от нее не дождешься.

Леся библиотекарь. По образованию. Но, по профессии не работала. На зарплату библиотекаря, без своего жилья, вряд ли проживешь в столице Украины Киеве.

Леся снимает койку в однокомнатной квартире, у метро Дарница. И работает, где придется. То официанткой, то продавцом на лотке.

Гонимая искренним желанием помочь подруге, я еду на Дарницу.

Захожу в подъезд. Мама родная! На стене, вижу, две картины. Пейзажи. Очень миленькие. Торможу. Вернее, делаю стойку, как охотничья борзая, почувствовавшая добычу.

Рассматриваю пристально. На одной картине изображена

дубовая роща. На другой море, штормящее, сине-зеленое. Холст. Масло. Где-то 50 сантиметров на 35. Картины, явно, не вчера писанные. Обе без подписи.

– Чьи это картинки? – равнодушно спрашиваю у консьержки, веселой хохлушки.

– Ничьи. Игорь из 23-й квартиры их на мусорку выбросил. Сегодня, в обед. Ремонт дома затеял. Все лишнее вынес. А я подобрала и повесила на стену. Что б красиво было!

Мне стало очень неудобно. Что-то здесь неправильно. Деньги висят на стене.

Бесхозные. Типа народ любит! Картинную галерею устроили в вонючем подъезде!

– Отдайте мне эти картины. Я собираю такое.

– Берите! Но, сначала спросите разрешение Игоря, – про-
стодушно отвечает консьержка.

Меня охватывает волнение, знакомое охотникам, рыбакам и коллекционерам. На пыльной стене, в подъезде, висят неопознанные раритеты, которые стоят денег. А у Леськи денег совсем нет, да и у меня их «кот наплакал».

Подымаюсь к Леське.

– Ты Игоря знаешь из 23-й квартиры? Пойдем сейчас к нему.

– Зачем?

– Ты сейчас вопросов не задавай, что бы ничего не испортить. Сейчас я тебе мастер-класс преподам. Как делать бабки на ровном месте.

Сколько ты хозяйке должна?

– Машка! Я в тебя верю. Но, откуда деньги?

– Пошли!

Мы спускаемся этажом ниже и звоним в дверь. Открывает молодой мужик. В облегающих трусах. Вот жлоб! Хоть бы прикрылся. Лицо гомо-сапиенса, не обремененного ни этикетом, ни любовью к художественным ценностям.

– Вечер добрый, Игорь! Меня зовут Мария, начала я, почти с усилием заставляя себя не смотреть ниже пояса собеседника. Я подруга вот, Леси, вашей соседки.

– И чего надо?

– Мы с Лесей хотим организовать нечто, похожее на малую картинную галерею, дома у себя. А на стене, в подъезде висят ваши картинки. Вы могли бы нам их отдать?

– Отдать? Гм... Они же чего-то стоят?

– Ой! Если бы это был Шишкин или Айвазовский – они бы чего-то стоили. А так, это дрова, неопознанные объекты, тем более, без подписи.

– Ну, вы же пришли за ними. Значит, они стоят чего-то, – начал ломаться мужик, почуявший, что запахло деньгами.

Леся, знавшая о моих коммерческих талантах, наконец, въехала в суть дела. И в ажиотаже встряла в разговор.

– Игорь! Тебе что 100 долларов помешают? Или 200! Мы, честное слово, с тобой рассчитаемся.

– Ну, уговорили. За 500 долларов я согласен.

– Благотворительница! Мать Тереза! – набросилась я мыс-

ленно на Лесю.— Сорит еще незаработанными деньгами! Мужик выбросил их как мусор. А она ему деньги!

Но, Игорю я скорчила милую улыбку.

— Спасибо. Они этого не стоят. Пусть висят в подъезде. — И, схватив Лесю за руку, я решительно иду к лифту.

— 300! Остановил нас Игорь.

— 100! И в нашей галерее вы навсегда останетесь первым меценатом.

— Ну, тогда пусть висят себе в подъезде.

— Хорошо. Сначала мы отнесем их к эксперту, а потом решим...

В присутствии Игоря мы сняли со стены картины и отправились к Славiku Фальшаку, держащему дома картинную галерею из фальшивых шедевров.

Славик равнодушно взглянул на наши раритеты.

— По 50 долларов, может, и дадут за них. Не больше! Такого дерьма на блошином рынке можно нарыть немерено! Могу взять по 20 долларов за штуку.

— Спасибо. Мы хотим дороже.

Негативный прогноз Славика не остудил моего энтузиазма. Наоборот!

Как любой халамызер, Славик брал антикварные картины за копейки и продавал в десять раз дороже. Не брезговал он и подделками. Фальшивок на стенах его квартиры было 90 процентов.

Мной двигала уверенность, кураж, озорство. Я не сомне-

валась, что я продам эти картины. Картины – это товар. А на любой товар всегда найдется покупатель.

На Андреевском спуске, достопримечательности города Киева, было уже мало людей. Народ вяло рассасывался. Вечерело. Продавцы сворачивали свои витрины. Современные картины, ковры, народные поделки

Я взяла обе картины в руки и громко начала рекламировать.

– Шишкин! Айвазовский! Кому Шишкин! Кому Айвазовский! Продаются шедевры!

– А, может, не надо такое говорить? Давай просто тихонько постоим, – начала комплексовать Леся.

– Если мы будем тихонько стоять, нас тихонько будут и обходить. Реклама – двигатель торговли!

– Может, что-то скромнее придумать? Зачем такие имена? – засомневалась моя партнерша по бизнесу. Зачем так лихо? Ты, прям, как пирожки продаешь!

– Ты лучше мне помогай! Игорю 500 долларов отдавать кто будет?

Подружка, стесняясь и смущаясь, следовала за мной.

– Шишкин! Айвазовский! Кому Шишкин?

Мы источали положительные эмоции. Позитивную ауру. Собирающийся по домам торговый люд понимающе улыбался.

Вдруг у нас за спиной выросли две мужские фигуры.

– Девочки! Покажите ваших Шишкина и Айвазовского!

– Пожалуйста! Только, вы же понимаете....!

Двое мужчин были вполне интеллигентной внешности. Один из них, высокий, круглый, под два метра, оказался гостем из Америки. Коги.

Второй, мелкий, наш, переводчик. Степан.

Американец взял в руки картины. Осторожно перевернул их. Вид сзади внушал доверие. Мы впопыхах даже не сняли серую паутину, в которой запуталась высохшая украинская муха. Как знак аутентичности наших раритетов!

Цокотуха была обворожительна.

Коги даже причмокнул, глядя в упор на этот антикварный гербарий. Наверное, именно эта высохшая муха добила американца в принятии правильного решения.

Ясно, что картины были написаны давно. Они совершенно не были похожи на те полотна современной живописи, которые выставляли здесь, на Андреевском спуске. Меня даже ласково обняла за глотку жаба. Неизвестно еще, что за ценности мы продаем. А вдруг это находки гениев масла и холста! До сих пор ведь всплывают неизвестные шедевры великих мастеров живописи.

Мужчины коротко обменивались друг с другом репликами. Понятными были лишь отдельные слова.

– Кто автор картин? – серьезно спросил переводчик.

– Честное слово, не знаем. Пылились у бабки на стене, – сказали мы сущую правду.

– Сколько им лет? По внешнему виду, не новодел.

– Разумеется! Может, они ровесники Шишкина! Может это сенсация! Нужна экспертиза! Иногда, вы же знаете, приходят и Шагала и Пикассо...! А вчера по новостям передавали, что нашли Огюста Ренуара.

Услышав эти слова, Коги занервничал.

– Сколько вы хотите за обе картины?

Наглости моей был предел. Разумный.

– Да, всего-то 2000 долларов! Если оптом заберете.

Мужчины посоветались. Степа решительно сказал.

– 500 долларов можем дать. За все.

– Это грабеж среди бела дня! За Шишкина и Айвазовского! 1500!

Переводчик тихо что-то сказал американцу.

– 600.

– 1300.

Американец вытащил 800 долларов и протянул нам. 1200 долларов мы ему простили. Из чувства гостеприимности. Чтобы очень плохо не думал о нашей стране.

Переводчик Степа попросил мой телефон.

Когда покупатели скрылись из виду, мы начали прыгать и верещать, как ненормальные.

– Ну, мы, Машка, с тобой даем! Кому рассказать, не поверят! Я и не предполагала, что мы такое с тобой провернем!

– Ха! Мы? Мы пахали! Ну, да ладно!

Игорю мы отстегнули 200 баксов. Большого он не стоил.

А остальные деньги разделили пополам. Леся вовремя за-

платила хозяйке за квартиру.

Эта история не давала мне покоя. Что мы продали? Какова истинная ценность этих картин? А вдруг это Шишкин или Айвазовский на самом деле? Шанс найти шедевр всегда есть. Один к миллиону! Но, есть.

Я набрала номер Степана.

Он сообщил, что наши картины благополучно добрались до Америки и теперь украшают дом Коги в Калифорнии. Американец перевез их вполне официально.

Киевская контора по вывозу за границу ценностей дала ему справку, что эти полотна никакой ценности для Украины не представляют. Летом Коги вновь прилетит в Киев. Он спрашивает, есть ли у нас еще подобные картины.

Убить узбеков

– Ура, Леша! У меня с утра гениальная идея! Кажется, я знаю, чем буду в Москве заниматься!

– Да? Все-таки няней решили заделаться? – недоверчиво уставился на меня Леха, выдалбливая из вазочки окаменевшие остатки сахара.

– Какая из меня няня? Детишечек сопливых я не люблю!

И чего я раньше не сообразила! Месяц уже в Москве и торможу! Так низко себя продавать! Няней! С тремя высшими! Только не в прислуги!

А домработницей на Рублевке ты меня представляешь? Глазки в пол. Кроткая, покорная, с чепцом на голове и с пылесосом в руках. Мы не рабы. Рабы не мы!

– Да, вы туда еще и не попадете. Там нужен опыт работы в семьях. Рекомендации. Знать надо VIP-гардероб. А за картинами антикварными вы умеете ухаживать?

– Ха! Я знаю, как их продавать!

– Так на какие подвиги вы готовы на этот раз? – иронично спрашивает Леха.

– Я открою здесь правозащитную организацию.

Леха округлил глаза.

– Назову ее «Москва без рабов!» Цель? Защита прав человека. Защита мигрантов из Узбекистана и других республик бывшего СССР. Ну, чем я не правозащитник, реформа-

тор! А?

Леша поперхнулся и громко закашлял.

Я похлопала его по спине.

– Смотри! В Москве есть проблема. Рабство. Завуалированное.

Леша уставился на меня, как на сумасшедшую.

– Рабство отменили, а рабы остались.

Нас каждый день, в 6 утра, будят дворники-узбеки. Скребут метлами по асфальту, гремят железом тележки, бьют в нее бутылки. Я звонила в ЖЕК, диспетчеру. Нарушаете, мол, наши права на отдых. Шуметь нельзя с 23-х до 8 утра! Согласно «Закону о шуме». Диспетчер соглашается. А утром все по новой!

Узбек с лопатой в 6 утра вместо будильника. И это в Москве! Столице нашей Родины! Обалдеть!

Подхожу вчера к дворникам. Их трое. Две женщины и один мужчина. Все из Азии. Спрашиваю, почему дворники рано начинают работу. Выясняю, что они вынуждены рано вставать. Иначе не успеют заработать себе денег. Ведь половину работы по уборке дворов они делают бесплатно.

– Как бесплатно? – Леша недоверчиво кривит гримасу. Значит, кто-то забирает их деньги?

– Ясен перец! Кто-то забирает! И я догадываюсь, кто! ЖЕК, скорее всего!

Я предложила им в прокуратуру жалобу написать. Узбеки потупились.

Спрашиваю, тяжело ли им жить в Москве? Обижают вас здесь? Тетки ответили, что очень тяжело. Но, если они пожалуются, то их выгонят. И тогда домой. А дома еще хуже.

Рабы. Обыкновенные рабы современного мира. Бесправные и запуганные!

А наша консьержка Замира? Живет в подъезде, под лестницей. Ты видел, какие там условия? Размеры 1 метр на 2.

Спит она на досках, моется в мисочке, готовит на спиральной плитке, стоящей на табуретке. Вот пожар-то может быть! Сгорит наш дом! Выпрыгивать будем с 3-го этажа! Прикинь, каково тем, кто на 14-м?

Замира круглосуточно там находится. Ее, как привезли полгода назад из Ферганы, засунули в этот чулан – клетку, под лестницу, она и на улицу не выходила. Какая Красная площадь! Она и метро не видела!

– Вы уже с ней познакомились?

– Ну, я не могла пройти мимо. Сидит человек в клетке, кланяется подобострастно всем жильцам, Коран читает. И за это, представляешь, получает всего 6 тысяч рублей. 200 долларов! В Москве! Здесь пенсия минимальная 7 тысяч! И рада подачке. У нее на Родине средняя зарплата составляет 30000 сум, что равняется 27 долларам США. И тут вопрос. Кто обворовывает Замиру?

Наш дом не от ЖЕКа. Это ТСЖ. Значит, в этом товариществе собственников жилья тоже есть своя бухгалтерия. И зарплату консьержке начисляет бухгалтер. Но, денег ей никто

официально не платит. Эти бабки уходят налево. Кому? Может, участковому в паре с председателем ТСЖ?

За регистрацию в Москве Замира заплатила 2 тысячи рублей. Хотя официально в ФМС это стоит 20 рублей.

Замира добрая. Прикинь, она сказала, что даст мне телефон нашего участкового Игоря Валерьевича, если мне нужна регистрация.

– А вы проболтали, что приехали из Украины?

– Но, у меня-то гражданство России! Так вот, Замира существует за счет пожертвований жильцов. 250 рублей с квартиры. У нас 14 этажей. По 4 квартиры на каждом. Итого 56 квартир умножаем на 250. Получается 14000 рублей. Но, ей дают на руки всего 6 тысяч рублей.

Где остальные? Где почти 300 долларов? А сколько таких подъездов на нашем участке, в районе, в городе? Сидят ли там узбеки, братья наши?

Рассказала Замира мне, что домой она очень хочет. Там у нее семья, мама, муж Азиз, дочь Наргиз, двухлетняя внучка Шавло. Там у них тепло. Показала даже фотографии всех их.

В Фергане Замира, как она утверждает, работала учительницей истории в медицинском колледже. А потом была завкафедрой этого же учебного заведения. Но, денег живых не получала. У них в стране карточная система, по которой отовариться можно только в продуктовом магазине. А сапожки внучке так хочется купить! И дом молодым надо стро-

ить! Поэтому она и приехала в Москву, на заработки. А вместе с ней и пол-Ферганы. В соседнем подъезде работает сторожем бывший директор их медколледжа. А вон в том дворе метет Джамиля, врач по профессии.

Чувствует Замира себя в нашем подъезде, как в тюрьме. Иногда ей звонит ее муж Азиз и они дружно плачут. Коллеги по работе тоже звонили, спрашивали, как она устроилась. Замира не рассказывает им правды, ей стыдно, что живет она в таких условиях.

– Как я вернусь? Что они скажут? Вай-вай! Где ты была, чем занималась, без денег вернулась! – сокрушается 47-летняя узбечка.

Она бы и рада вернуться, но еще не накопила 500 долларов на билет домой.

Я, естественно, проникаюсь состраданием к женщине. Говорю, что ее права человека грубо нарушают. Спрашиваю, где ее паспорт. И узнаю, что его у нее забрали в первый же день по приезду в Москву. Предлагаю ей подняться ко мне на чай, в душ, обещаю подыскать ей более приличное место.

Гнев переполняет душу. Какую же толстую шкуру имеет правительство на ее Родине, коль довело народ до такого состояния? Как же низко упал уровень жизни населения Узбекистана, если Москву наводнил мощный поток мигрантов.

Нахожу на сайте «Из рук в руки» объявление «Требуется няня, строго мусульманка к ребенку с проживанием в отдельной комнате, с питанием. Зарплата 15000 рублей».

Спускаюсь к консьержке. У нее гости. Вместе с ней в чулане, сидит еще одна узбечка. Она на спальном месте Замиры. Замира на полу, на подушке от старого дивана. Едят лагман.

Взгляд у гостьи колючий, смотрит она злобно. Замира знает нас.

– Это Надира, она уже 3 года в Москве.

Надира подозрительно допытывает, с какой я квартиры, что у меня с регистрацией и нет ли у меня задолженности за оплату консьержки. Мол, она это дело контролирует.

– Вы, очевидно, наш новый участковый? – подкальываю я шуструю узбечку.

Стоя на пороге, протягиваю Замире данные. Ей бы радоваться, но, Замира как-то странно себя ведет. Категорически отказывается от моего предложения.

У нее две на то причины. Она не может уйти с этой работы, пока не приедет из Ферганы ее замена. И второе: за этим объявлением угадываются Азербайджанцы, которых узбеки боятся, как огня. Те, мол, обращаются с ними, как с рабами, кидают на деньги.

– Вам нужны чужие проблемы? – опомнился Леша. Вы бы себе регистрацию сделали, вас ведь без нее на работу по профессии нигде не берут!

– Не буду, принципиально регистрироваться! Меня, гражданку России, защищает Конституция, статья 27 «О праве граждан на свободу передвижения». А мои законные права нарушают московские бюрократы, погрязшие в коррупции.

Я не собираюсь им потакать. Так, что тем более, надо открывать правозащитную организацию.

– Ну, попробуйте! Обломаетесь сразу же! Мы не в Америке!

– Нельзя так рассуждать, Леша! Есть закон. Закон у нас хороший! Плохие исполнители! Жить и защищать себя надо по закону.

Звонок в дверь. На пороге консьержка Замира и Надира. Замира растеряна, бледна.

Надира с порога:

– Вы приходил. Кроме вас никого у нас не был. У нас пропал дорогой мобильный телефон. Сейчас буду вызывать участкового Игоря Валерьевича.

Я на секунду немею. Потом беру себя в руки.

– Может, у вас и телевизор пропал? Наберите свой телефон!

– Мы не знаем номер!

– Пошли к вам, проверим, где ваш мобильный. Давай-давай! Сейчас милицию вызовем!

– Мы все перетрахнули. Нет там его.

Мы с Лешей вытеснили гостей из квартиры. Надира громко, на весь подъезд, начала кричать, что у нее украли телефон. Тут из лифта вышли обе наши соседки по съемной квартире и с интересом посмотрели на нас с Лешей. Меня обдало жаром. Мы съехали в холл подъезда.

Узбечки и не собирались искать телефон. Они делали вид,

что перебирают свои шмотки. Я интуитивно заглянула за деревянное ложе. Там, у плитуса, в коробке лежал мобильный. Он был отключен.

Я вызвала милицию по 02.

Надира стала угрожать участковым и даже дозвонилась ему, жалуясь на то, что я живу без регистрации и, к тому же еще, я вызвала милицию. Участковый сказал ей, что приедет завтра утром. Замира была бледна, расстроена. Стала извиняться, просить за Надиру.

Когда прикатила милиция, Надира стала юлить и оправдываться, что с телефоном произошло недоразумение. Но, вызов был зарегистрирован на 02. Значит, надо отвечать. Нас погрузили в машину и повезли в райотдел.

В дежурной части нам выдали по листу бумаги и велели писать заявления. Надира долго не могла справиться с заданием. Дежурный дал ей совет писать по образцу на стене. Она подошла к дежурному и стала канючить. Майор спросил меня, хочу ли я дать делу ход.

Я взяла бумагу и написала, что произошло недоразумение, конфликт разрешен и реагировать на вызов не надо.

Мне до сих пор не ясно, было ли это недоразумением на самом деле. Или все же узбечка Надира, поднабравшись в Москве горького опыта, пройдя тяготы жизни на чужбине, решила сбить с меня денег. Как, видно, сбивали с нее. Здесь, в Москве.

Об отсутствии у меня регистрации она, очевидно, зна-

ла от Замиры. Сфабриковать кражу телефона ума не надо. Запугать меня, приезжую из Украины, своим поделеньником участковым, вообще сущий пустяк.

Интересно, за какие средства наш участковый катается по району на тойоте «краун»? Неужели за счет узбеков!

Дешевая рабочая сила в Москве – это уже система. С узбеков, бесправных и в большинстве запуганных, можно иметь постоянный доход. А попробуй заработать на грамотных москвичих!

Москвичи безразличны к труженикам из Азии. Узбек с лопатой за окошком в подъезде, за швейной машинкой в палатке, с мастерком на стройке, бессловесный и безропотный – привычное явление мегаполиса. А что там у него за душой? Какие кипят страсти? На кого он пашет за копейки, никого не интересуется.

Забыли москвичи, а молодежь и не знает, как во время ВОВ те же узбеки давали кров их предкам, спасавшимся в эвакуации. Делились последней миской риса.

Боюсь, что я растормошила осиное гнездо. Узбеки-мигранты – это кормушка для коррумпированных чинов, хорошо налаженная система сверх доходов.

В Москве более 2-х миллионов мигрантов из бывшего СССР. 2 миллиона умножить хотя бы на эти подъездные 300 долларов! Захотят ли властные структуры добровольно лишиться таких прибылей?

Утром звонок. Участковый Игорь Валерьевич. Просит по-

яснить, что случилось по краже телефона. Кто у кого телефон украл? Отчитаться – то ему перед начальством надо. Происшествие на его территории.

Ясен перец! Если бы я просто в дежурку заявление сдала, а входящий номер не спросила, то мое заявление могли бы швырнуть в урну. А тут все зафиксировано.

Леша взволнован.

– Вот вляпались! Что теперь будет? Вы-то россиянка, а меня уж точно с моей липовой регистрацией депортируют назад на Украину.

– Не бойся! Держись всегда уверенно. Это участковый теперь должен нас бояться, а не мы его.

От участкового я вышла с чувством удовлетворенности. Капитан милиции был сдержан, где-то даже скромн и очень напоминал жучка, вверх тармашками. Или зайчика с пристегнутыми к затылку ушами. Это, как себе нафантазировать.

Я вывалила на его голову свое видение проблемы. Репортаж из подъезда, в свете всеобщей московской проблемы. Завуалированное рабство в Москве, бесправное положение узбеков, проблемы коррупции властных структур.

Игорь Валерьевич беспомощно развел руками.

– Москвичи не хотят работать на этих местах, дворниками, дежурными...

– Естественно, на москвичах бабки не просто сделать. Это не забитые и бесправные узбеки! Участковый, – видно, мор-

дочка в пушку, – даже предложил, если я захочу, уберет консержек из подъезда.

На прощание капитан попросил сказать Надире, что бы та явилась к нему.

В чулане сидели обе узбечки. Замира, раба обыкновенная. И Надира, уродливое порождение коррумпированной системы.

Я поздоровалась. Замира подобострастно закивала.

– Надира, тебя Игорь Валерьевич просил срочно зайти к нему. Он тебе за отличную службу дает медаль. И билет на самолет в Фергану хочет вручить.

Надира вытаращила глаза.

– Вы уже расхотели помогать узбекам после случая с телефоном? – любопытничает Леша.

– Нет! Напротив. Я еще более убедилась в том, что надо открыть организацию «Москва без рабов!»

Рабство – мерзкое явление. Человеческий облик теряет не только раб, но и поработитель.

Москвичи должны знать, что рядом с ними бок о бок живут рабы. Обыкновенные современные рабы. Что Москва стала рабовладельческой столицей.

Когда мы с Лехой вернулись в квартиру, то увидели кое-какие изменения. В ванной, на полках, где обычно стояли туалетные принадлежности девушек-соседок, теперь была абсолютная пустота. А у двери девчонок ковырялся столяр, вставляя новый замок.

Киев-Москва

До Берислава далеко?

Этот пассажир отличается от других. Он в костюме золотого цвета, с галстуком и портфелем. Все остальные пассажиры автобуса в куртках, шапках, одеты по – осеннему.

Золотой все время нервно смотрит вперед, на трассу, выглядывая из-за спинки кресла. Потом брезгливо перешагивает через тюки и баулы. Подходит к водителям автобуса и спрашивает: «До Берислава далеко?»

Водители раздраженно велят ему сесть на место и не мешать.

За окнами автобуса звездная ночь. Пассажиры спят. Автобус несется с большой скоростью по ночной трассе.

Золотой пассажир вновь подходит к водителям: «До Берислава далеко? Мы не проедем?»

Водилы зло указывают ему сесть на свое место. И если он еще раз встанет, его высадят.

Пассажиры храпят и посапывают.

И только я, прикрыв глаза бейсболкой, дремлю в полглаза. На коленях у меня корзина с шестью страусиными яйцами.

Золотой в очередной раз подходит к водителям со словами: «До Берислава далеко?» Визжат тормоза. Слышен шум борьбы. Хлопок двери. И автобус набирает скорость. Пассажиры мирно спят.

Открываю глаза. Золотого нигде нет. Рядом, на переднем

кресле, лежит его портфель.

Вскакиваю с места. Кричу водителям: «Вы с ума сошли! Выбросили человека из автобуса! Немедленно остановитесь и вернитесь за пассажиром!»

Водитель зло цедит, что если я не замолчу, то последую туда же!

За окном мелькает указатель населенного пункта Змеевка.

Начинаю набирать по телефону милицию. На счету, не хватает денег для звонка.

Девушка-блондинка, с соседнего кресла, перепугано смотрит на меня. Предлагаю ей быть свидетелем. Она еще больше пугается и отворачивается к окну.

Через 20 минут появляется Берислав. Водители идут в автовокзал.

С тяжелым портфелем Золотого я направляюсь следом.

Кроме диспетчера тетки – жлобихи, пьяного сторожа в кирзовых сапогах и двоих наших водителей на вокзале никого из власти нет.

Загаженные мухами часы на стене показывают 2 часа ночи. Кладу портфель на стол диспетчера и прошу вызвать милицию.

– А я при чем здесь? – говорит диспетчер.

Набираю сама 02.

Водитель жмет на рычаг телефона. Опять набираю 02. Водитель вырывает трубку и говорит милиционеру: «Не слу-

шайте ее. Вызов ложный».

Диспетчер – жлобиха начинает выгонять меня из вокзала. Велит Пете, сторожу выдворить пассажирку за двери автостанции.

Начинаю объяснять ситуации. С Золотым, с его портфелем. Пьяный сторож вытесняет меня за двери. Следом за мной летит портфель Золотого и падает в грязь.

– Может, там документы, деньги? Вызовите милицию. Может, там бомба!

И я вешаю портфель на ручку двери автовокзала.

Портфель с бешеной скоростью летит в кусты.

И тут я вижу, что наш автобус, обдав меня черной копотью, рванул с места. А вместе с ним и моя корзина с яйцами, неродившихся южноафриканских страусов. Яйца я купила за деньги моей тетки из Херсона, для разведения страусиной фермы.

В кармане у меня билет до Херсона. Сама я в каком-то Бериславе.

Где-то в районе Змеевки, на безлюдной трассе, среди хищников, беспомощный пассажир.

На дворе глухая ночь. На вокзале беспредел.

Спрашиваю у таксиста, как дойти до милиции. Спотыкаюсь о что-то тяжелое. Это портфель Золотого. Как вещьдок того, что я не сплю.

Сонный дежурный милиции долго не может понять, чего требует гражданка. Потом вызывает оперативника.

Тот проверяет мой паспорт и спрашивает, кем мне придется потерпевший. Отвечаю уверенно, достойно.

– Никем. Мы не знакомы! Просто пассажир. Мент гримасничает. Не может понять, зачем же я тогда за него хлопочу. Может, мужчина мне понравился?

Сверлю мента колючим взглядом. Объясняю ему, что если он не видит здесь преступления, то я его вижу четко. И уверена, что утром это увидит и прокурор Берислава.

Мент дает лист бумаги, писать объяснительную. Заполнять графы с адресом, пропиской, местом работы.

Я сопротивляюсь. Какая работа! Человек на трассе!

Ночью. На холоде! Среди волков. Среди разбойников! Тут оперативность нужна! Срочно надо ехать за ним.

Надо сообщить ГАИ, что бы задержали автобус. Там водители, преступившие закон. Там мои яйца страусов!

Каких еще страусов? Мент смотрит подозрительно, словно психиатр.

Беру себя в руки. Держусь уверенно. Здесь дрогнуть нельзя.

А вот и его портфель! Пассажира! Может, там документы, деньги.

Мент берет портфель и уносит в другой кабинет.

Я объясняю ему, что я свидетель и портфель надо открывать при мне. Мент нехотя вываливает содержимое портфеля на стол. Бумаги, документы, пачка денег, скрепленная зажимом, всякая мелочь.

Мент смотрит в паспорт, читает: Тараканов Леонид Степанович, 1980 года рождения.

Я требую срочно ехать на трассу. Мент предлагает оплатить бензин. Я угрожаю прокурором. Мент нехотя вызывает машину.

Дребезжа и подпрыгивая, уазик едет по трассе, в сторону Змеевки. Дорога пустынная, кажется бесконечной. И только яркая полная луна лыбится на небосклоне, освещая золотым бликом трассу.

Оперативник начинает вслух сомневаться, в том, что Золотой существует в реальности. А, если он и был, то его уже там нет. Он уже дома, чай пьет или спит с женой под боком.

Спрашивает, где я работаю.

Отвечаю, что к данному происшествию это не относится.

Мент требует показать еще раз мой паспорт. Даю. Долго листает. Сличает меня с фотографией. Начинает придираться к фамилии. Какое, мол, я отношение имею к Роману Абрамовичу. Отвечаю, что никакого. Что мы даже не однофамильцы. Отдает паспорт назад. Тяжело вздыхает. Смотрит на дорогу. На часы. 3 часа ночи. Потом зевает и велит водителю разворачиваться назад, ехать в отдел. А мне угрожает, что заведет дело по факту ложного вызова.

И тут я вижу в свете луны золотую фигуру, бодро шагающую по трассе.

– Ура! Золотой есть! Вон он! Я была права!

Уазик равняется с Золотым, резко разворачивается и тор-

мозит. Мент открывает двери.

– Присаживайтесь, гражданин. Кто вы? Зовут вас как? Куда направляетесь?

– Тараканов Леонид Степанович. Новый директор Бериславского завода автоматики. Никогда здесь раньше не был. Вот, заблудился. Спасибо вам.

Золотой устало плюхнулся на сидение, растирая замерзшие руки.

– Гражданке спасибо скажите. Это она панику подняла, и нам сообщила.

Золотой равнодушно глянул на меня и произнес:

– Да, ни к чему все это. Не стоило хлопот.

Менты смеются. Я взбешена.

– Может, вам и ни к чему. Лично на вас мне наплевать. А на факт преступления нет.

Утром я сижу в кабинете начальника милиции.

Подполковник слушает, долго и подозрительно всматриваясь в мое лицо. Потом заверяет, что на обратном пути водители автобуса будут опрошены. А о своем багаже я должна позаботиться сама.

Когда я поднимаюсь с места, подполковник милиции поселка Берислава встает и крепко жмет мне руку со словами – «Спасибо. Это настоящий мужской поступок».

Корзину с яйцами страусов найти мне не удалось. Да, и к лучшему. Фермером себя я плохо представляю.

Полная чернобурка

Двухлетний Степочка восседает в детском кресле на заднем сидении джипа.

Одет он с иголки.

Джинсовый костюм от «Кавалли». Кожаная обувь от «Балденини». Бейсболка «Адидас». В руках пачка чипсов с креветками. Тридцатилетняя няня Ира сегодня в отгуле. У нее вечные проблемы с сожителем Гошей. То любит, то не любит.

И Степочка сейчас с мамой.

Его мама, двадцатилетняя Адель, сидит за рулем джипа.

Цветная птичка калибри красуется на ее запястье. Другие яркие татуировки украшают ее шею, оголенный живот, поясницу, лодыжки. Малиновые губы неестественной полноты сложены в капризном изгибе.

Одета Адель во все модное, яркое, эпатажное. И чем-то похожа на Леди Га-Га.

Леська, подружка, с загаром цыпленка гриль. Цедит коктейль из горла бутылки. Глаза красные, утомленные от ночной жизни. Волосы блеклой паклей от никотина.

Но, все равно хороша, зараза! Схожесть с Анжелиной Джоли поразительная!

Между девчонками, на панели джипа, стоит, как капитан на мостике, китайская хохлатка. Это Дульсинья. Дунька.

По паспорту Дунфан.

Совершенно лысая порода собаки. Уши торчком, в белых перьях. На лбу такой же хохолок. Тоненькие длинные ножки.

В серебряном комбинезоне. На ногтях маникюр серого цвета.

Похожа на конька-горбунка.

В салоне накурено. Девчонки щебечут о своем, о девичьем. О Никите, Сереге, Максе... О ночном клубе, дискотеке.

– П...ц! Никита вчера уехал с какой-то телкой и телефон отключил.

*По этическим соображениям слово П...ц заменено на слово чернобурка!

– На фиг он тебе сдался! Серега не хуже этого пижона.

– Б...ь! Серега меня достал своим нытьем! А Макс оторванный! Кончит от передоза, – смачно зевает Адель.

И девчонки делятся впечатлениями о минувшей ночи в клубе «Розовый носорог».

До Степочки никому нет дела. Никогда. И он, предоставленный сам себе, курлыкает.

Курлу-курлу-курлу...

Природа берет свое.

Курлыкать он начал совсем недавно!

– П...ц! Когда же Степа начнет говорить! Ирка – су... а, совсем с ним не занимается. В голове только ее этот хахаль. Надо другую няньку искать! – спохватывается Адель, слыша

речь сына.

– Курлу-курлу-курлу! – старательно откликается Степа на материнские слова.

– Сынок! Скажи нормальное слово! Скажи Мама! – поворачивается Адель к сыну.

Бл...! Хватит чипсы жрать! Опять весь салон обблюешь! Леська равнодушна. Зачем ей чужой ребенок. И вообще, детей она не любит. И не хочет.

Что бы она с ними делала? Нанять няньку, как Адель, Леська не смогла бы.

Подкинула бы ребенка матери? Но, та в вечной депрессии. Ноет об отце, ушедшем из семьи, к молодой сопернице.

Мать нигде не работает. И в их доме нет продуктов. Холодильник вымыт и отключен.

Благо уже полгода Леська живет у Адели, вдвоем, в ее роскошной квартире на Саксаганского. Поправились даже от еды, которой здесь вдоволь. Живет в качестве подружки, компаньенки.

У Адель есть деньги. Их ей регулярно дают папа-банкир, мама-галерейщица и бабушка-реставратор. Они живут отдельно.

Они все в работе, в хлопотах, им всегда некогда.

Высылает алименты и бывший муж-теннисист.

Адель ни в чем не отказывает ни себе, ни подружке Леське. И дважды за лето они были на море.

Познакомились они на свадьбе у общей приятельницы

Полины. Хотя раньше никогда не виделись.

У них оказалось много общего.

А Леська-душа компании, рассказчица, юмористка. С ней было весело и беззаботно.

После свадьбы Леська поехала к Адели и так у нее и осталась.

Спали вместе, на одной постели, как лесбиянки. Рядом спал Дульфан.

Спали днем. Ночами прожигали в «Розовом носороге».

– У нас самая обычная лесбийская семья. Только без секса. И под разными одеялами, – смеется Адель.

Леська за полгода раз шесть являлась домой, к матери. Приносила еду элитную: моцареллу, семгу, инжир, пахучие персики.

Ночевала в своей спальне, отдыхая от прокуренных клубов.

– Как у тебя, мамочка, чисто! А у нас, в квартире полный бардак! Ничего найти не можем.

Мать ходила на цыпочках, продлевая исцеляющий сон дочери. Поила ее травяными настоями. Мягко увещевала про вред никотина, про страшные последствия от такой неправедной жизни.

Леська затыкала уши, слушать не желала.

К вечеру звонила Адель. Она сообщала, что такси вызвано. Через пять минут будет возле дома Леськи.

Леська спохватывалась, чмокала мать и уезжала.

Обещая не курить, вредного ничего не есть и ночами спать.

И снова жизнь бурлила, прожигалась в ночных угарах.

Степочка был у няни. Няня мысленно была с Гошей. Ей было не до ребенка.

Но, Степа начал курлыкать. Курлу-Курлу-Курлу...

Дульфан днем спал, вместе с девчонками. Его никто не выгуливал. Он это делал сам. На коврик у порога.

Как-то Леська пришла домой с Дульфаном на руках.

– Она у нас поживет неделю. Адель срочно улетела в Москву, к жениху. Вот, мы собрали, все, что успели.

И Леська выложила из пакета сухой корм «Чаппи с говядиной».

– Это китайская хохлатка. Она не гавкает, все время молчит! Порода такая.

Леся поставила хохлатку на пол.

– Ух, ты! – Мать разглядывала дивную собаку.

На горле ошейник с камнями «Сваровски». На бедре цветная татуировка. Череп с костями. Одета собака в леопардовый комбинезон с серебряными вставками и с шиншиловым капюшоном.

– Кстати, собака беременна, вот-вот родит. От элитного кобеля, чемпиона Шанхая. Щенки стоят по 2 тысячи долларов. Адель мне обещала подарить одного. Мы его продадим и ты заплатишь долги по квартире.

– Но, ее надо кормить творогом, мясом.

– Адель дала деньги на собаку. – И Леся убежала к подружкам по двору.

Мать целый день провела с собакой. Выгуливала ее в саду, у дома. Собака старательно ела траву.

Хохлатка была на редкость унылой, ни разу не подала голоса. Тяжело двигалась, часто дышала, высунув язык.

Мать беспокойно поглядывала на собаку.

Очевидно, ей жарко в этом синтетическом комбинезоне!

А, можно ли совершенно лысой собаке под палящим солнцем? Ведь, она обгорит!

– Откуда мне знать! Собаку приволокли. Дорогую и беременную. А инструкцию к собаке не дали, – думала озабоченно мать.

К вечеру, раздев псину, мать увидела поджарое брюхо и раздувшиеся соски. В них было молоко. В глазах тоска.

Дочь в зоне недосягаемости. Адель в Москве.

Новорожденные щенки где-то в квартире. 2 тысячи долларов за штуку.

Джип мчится по шоссе на хорошей скорости. Адель любит риск, адреналин.

– Ура! – свобода! – кричит Адель.

– Йо-хо-хо! – в экстазе вопит Леська.

На Южном мосту нет пробок.

Внизу серебрится Днепр, залитый солнцем. Ублажает глаза зелеными островками, заводами с желтыми кувшинками, лодками рыбаков, золотыми маковками церковей на правом

берегу.

Вжих....! И джип догоняет мерс! И сзади грохот, въехавшей в джип Хонды. Визг тормозов. Черные следы протекторов.

Дульфан с маникюром всмятку влипает в лобовое стекло. Девчонок откидывает назад. Спасают ремни безопасности. Глушит мотор. Мертвое молчание.

И вдруг сзади четкое слово: П... ц!

Степа изрек свое первое слово.

– Степочка, зайчик! Радость моя! Наконец-то! Ты начал говорить!

Адель обливается слезами счастья.

Леська посылает воздушный поцелуй интересному водителю мерса.

Катюжанские видения

В воскресенье я была в Катюжанке, в 50 километрах от Киева. В той самой, чудесной церкви, где священник Александр избавляет страждущих от алкоголя, никотина, игровой зависимости и от многих других напастей. В том числе и от рака.

Чего меня туда понесло? За компанию. С двумя подружками. Ириной и Лесей.

Ирка раньше возила к отцу Александру своего сына Серегу. Алкоголика. Батюшка наложил запрет на питье. Серега моментально стал трезвенником. К нему вернулась жена.

Как тут не поверить в Катюжанское чудо? Теперь Ирка сама туда катается. За здоровьем.

Леся тоже проторила дорогу в Катюжанку. Ездит она к батюшке, как на работу. За деньгами.

Говорит, помогает. Еще бы! Ганс, ее Мюнхенский муж, недавно купил ей вторую квартиру в Киеве.

Первую, однушку на Позняках, он купил ей год назад. Но, Леся убеждена, что квартиру ей Бог дал, а не Ганс. Было семь утра, когда мы, оккупировав Иркину Хонду, рванули в Катюжанку.

В восемь тридцать мы уже стоим в церкви Архангела Михаила, и самозабвенно молимся. На головах, как и положено, хустки. В переводе на русский, косынки. Оголенные плечи

прикрыты шарфами.

Отец Александр, в церковном облачении, бубнит святое писание. Обходит нас с кадилом. Народ крестится и прикладывается к ручке.

Двое его помощников, мужчин, со специфической внешностью, очень знакомой с 90-х годов, выносят свечи на высоких подставках. Лица у помощников, честно сказать, уголовные.

Я усердно всматриваюсь в вершину купола, в надежде своими глазами увидеть око Вседержителя, или, на худой конец, Архангела Михаила. Леся божилась, что, по словам отца Александра, здесь поселилось и это чудо.

Душно. Кричит ребенок. Очередь выстроилась на исповедь. Я оказалась впереди. Гонимая любопытством, захожу в исповедальную комнату. Отец Александр сидит на стуле. Пытливо смотрит на меня уставшими глазами. Здороваюсь с батюшкой. И застываю, не зная, что делать.

– Первый раз, что ли? – догадывается священник. И велит положить два пальца на Евангелие.

– В чем каешься, дочь моя?

– Грешна я. Оттого и жизнь наперекосяк пошла.

– Все грешны. Какие грехи твои?

– Ну, наверное, прелюбодеяние. Живу вне брака.

– Еще!

Не сдержанна я, на людей бросаюсь, когда доводят.

– Еще?

– Ну, ищу наживу. Спекулирую я, на ближних. Картины продаю.

– Дальше.

– Ну, все. В остальном веду праведный образ жизни.

– Да нет, так не пойдет, – нервно вскакивает со стула отец Александр. – Не готова ты. Есть аж 500 грехов, а у тебя только три. И батюшка выходит из комнаты.

– Да, не грешу я в основном! Я правильная! – опомнившись, кричу я ему вслед.

Начинается обряд причащения. Сначала дети, потом мужчины, женщины.

Ребенок уже надрывается от крика. Малиновый от жары. Зовет маму. Рвется из потных объятий своей бабки. Когда его подносят к батюшке для причастия, мальчуган переходит на визг. Вырывается. Батюшка вместе со своими помощниками, причащает неразумного. Тот выворачивается, закрывает рот, мычит. Помощники терпеливо проводят процедуру. Мелькает ложка из металла желтого цвета. Ребенок хрипит.

Потом из церкви все повалили во двор, к кирпичному старому дому. Здесь на лавках и у забора, под вишнями, народа уже тьма. Ждут таинства епитимии.

Из России, Белоруссии, всех уголков Украины и даже дальнего Зарубежья. Пьяницы, куряги, наркоманы с женами, матерями. Автопарк из дорогих машин.

Когда отец Александр, направляется к дому, народ друж-

но выстраивается в широкую и длинную очередь, которую сдерживают перегородки, как на Красной площади к Мавзолею.

Раздается из матюгальника усталый голос батюшки. Скорговоркой, заученно отец Александр объясняет, что он не кодирует. Он не гипнотизер, не целитель. Он лишь посредник между нами и Богом. Он накладывает эпитимию. И что с Богом шутить опасно. Уж коли дал слово не пить месяц, год или всю жизнь, то нарушать нельзя. Обязался не курить, не бери сигарету в руки! И так далее. Иначе будет несчастье с давшим слово или с его ближними.

И отец Александр начинает перечислять случаи личных катастроф тех, кто нарушил запрет. То сам позвоночник сломал, то жена ногу вывихнула, то тестя молнией убило, то теща вдруг померла.

Народ слушает внимательно, с серьезными лицами. Пугливо переглядывается.

Запугав прихожан, батюшка перечисляет и недуги, от которых он избавляет:

Сахарный диабет, бесплодие, онкология, экземы, и разные скверны. И приводит потрясающий пример такого исцеления.

«Одну женщину во время моей молитвы так трясло, такая гадость начала из нее вываливаться – черви, крысы, мыши, всякое воронье....Потом ее муж мне 100 долларов дал.... На строительство храма».

Я оглядываюсь на людей. Все молча и почтительно внимают.

– Да, не рассказывайте мне о всех ваших болезнях. Зачем мне это? Я же не Бог! – раздражается уставший батюшка. Бог сам все видит!

Говорите просто «болезный»...

Я так устаю. Вчера 4 тысячи человек принял.

И не бросайте порванные купюры, потом морока с ними! – напутствует напоследок батюшка.

Народ стройной очередью, по одному, заходит в горницу дома, увешанную простенькими иконами и библейскими репродукциями. Тянется к креслу, на котором восседает отец Александр. На каждого страждущего по три секунды. Целуют ручку батюшке и с удовлетворенным видом выходят вон, мимо огромного ящика для сбора денег на храм.

На кушетке лежит с большим черным крестом на пузе молодуха. Лицо отрешенное.

– Это от тяжких грехов, комментирует Ирка.

Подходит моя очередь.

– Что мне говорить, шепчу я Ирке.

Ирка недоуменно вскидывает на меня глаза.

– Я же не пью, не курю, не болею ничем, – поясняю я.

– Тогда проси денег.

Я стопорю перед батюшкой, не в силах сказать слово.

Он смотрит на меня испытующе. Глаза умные. Узнает.

– Ну, что? Опять не готова?

– Денег хочу, – еле слышно шепчу я.

– Чего? – вопрошает отец Александр.

– Денег надо, – нахально хриплю я изменившимся голосом.

– Благословляю на копейку.

Иди с Богом, дочь моя! Батюшка крестит меня и подставляет сложенные руки для целования. Руки красивые, ухоженные, белые.

Я носом прикасаюсь к теплой коже батюшкиных рук и ухожу.

– «Болезная я», слышу за спиной жалобный голос Ирки. Тот крестит ее и отпускает с миром.

– Благословите на квартиру, – просит Леся и целует священнику ручку. Потом ложится на свободную кушетку, кладя на живот церковный крест. Батюшка встает с кресла, подходит к Лесе и ...садится задницей ей на живот. Таинство обряда завершено.

Во дворе толпится куча народа, еще не прошедшего процедуру духовного запрета.

На лавочке у церкви сидят двое помощников, с уголовными рожами, курят. Цинично поглядывают на прихожан.

Оставив по 20 гривен на храм, мы садимся в Иркину Хонду и уезжаем из Катюжанки.

Подружки без усталости щебечут, делясь впечатлениями, глаза восторженно горят.

– Такая благодать! Такое чудо!

Всю дорогу я молчу, перевариваю увиденное.

– Машка не разговаривает и правильно делает, – резюмирует Леся, самая продвинутая из нас. – Надо молчать, чтобы сохранить благословение.

Я молчу! Я в полной растерянности. Что же это было на самом деле.

Чудо или мошенничество? И кто под колпаком? Мы? А, может, и бабушка?

Трудно мне, бедной, в этом разобраться, женщине с квартирными долгами и семейными неурядицами.

Надо было, бабушку расспросить. Но, у него такие усталые глаза. Ему самому так нелегко.

Перед сном мне вспомнились две уголовные рожи.

Я мысленно призвала на помощь высшие силы. Закрывает глаза. И вновь увидела двоих с зажженными свечами в руках. И вспомнила проповедь, которую говорил бабушка, что разбойник первый вошел в царствие небесное.

И вновь у меня настал полный хаос не только в жизни, но и в голове.

Прошло две недели.

Меня занесло с другом Кошариком в Миргород. На Сорочинскую ярмарку.

Народу там была туча. Жара. Толпа. Давка.

И в этой толпе я нахожу мешок. Причем, я падаю на землю, споткнувшись об этот мешок из – под сахара.

И больно ударяюсь носом о щебенку. А Кошарика тем

временем толпа уносит вперед.

Распластавшись на земле, я вижу и ощущаю на себе чужие ноги. И понимаю, что меня сейчас затопчут. Но, любопытство сильнее чувства сомосохранения.

Лавируя между ног, я хватаю мешок и отползаю с дороги. К кювету.

Заглядываю в мешок.

В мешке коробочки и футляры в бархате.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.